

КРЫМСКИЙ ТЕКСТ И КРЫМСКИЙ МИФ В РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

УДК 82-6

«БЛАГОСЛОВЕННАЯ» ТАВРИДА: ГЕОПОЭТИКА В ЧЕХОВСКОЙ ПРОЗЕ

Стенина Виктория Федоровна,

*к. филол. н., доцент кафедры русского языка как
инострального Алтайского государственного технического
университета им. И. И. Ползунова (г. Барнаул, РФ);
e-mail: steninavf@rambler.ru*

В статье на материале чеховских писем исследуется «крымский текст», осмысляемый автором как текст культуры. Изображение пространства дается сквозь призму противоположных точек зрения: доктора/писателя/пациента. Статья представляет попытку систематизации чеховских писем о Тавриде в аспекте чеховской биографической ситуации, жизнь и тексты которого меняются с обострением хронической болезни.

Ключевые слова: *русская литература, Чехов А. П., эпистолярный, крымский текст, поэтика.*

В современном литературоведении вслед за В. Н. Топоровым, впервые определившим понятия «петербургский» и «московский» тексты [7], исследователи все чаще выделяют «павловский» [2], «кавказский» [4], «крымский» [3] и другие тексты [1, 6] как тексты культуры, сохраняющие определенную семантику. Проявление в ху-

дожественном произведении текста культуры как системы установленных традицией признаков может совершаться по двум направлениям: *продолжение* [7] или *отталкивание* от существующего в культуре мифа. Второй принцип проявления текста культуры обнаруживает эпистолярное наследие А. Чехова.

«Таврида – типичный „южный“ поэтический миф, полный разнообразных „первопереживаний“» [3, с. 20]. М. Эпштейн определяет крымский миф как уравновешенный, противопоставляя кавказскому, заполненному напряжениями [9, с. 167]. Кроме того, в культуре существует оппозиция «готический (страшный)» Кавказ и «барочная, переходящая в рококо Таврида». Такое противопоставление берет свое начало у Пушкина: «море блеска лазурного», «ясные, как радость, небеса» Крыма и «свирепое веселье», мятежные горцы Кавказа.

Элементы данной оппозиции получают в чеховской эпистолярной прозе прямо противоположные характеристики. Кавказское пространство сближается с райским, сказочным местом: «*Если бы я жил на Кавказе, то писал бы там сказки*» (II II, 323)¹; «*Видел я ... деревья, окутанные лианами, как вуалью, ... с вершины стен с любопытством глядят вниз кудрявые деревья*» (II II, 308). Крым, напротив, обнаруживает негативную семантику, что, вероятно, объясняется биографической ситуацией.

После случившегося с Чеховым в 1897 году тяжелого приступа кровохарканья, разделившего его жизнь на «до» и «после», в письме Иорданову он характеризует произошедшее событие и определяет перспективы своей «скитальческой» жизни следующим образом: «*20 марта я поехал в Петербург, но на пути у меня началось кровохарканье, эскулапы заарестовали меня в Москве ... Будущее мое неопределенно, но, по-видимому, придется жить где-нибудь на юге. Крым скучен до безобразия, а на Кавказе лихорадка. За границей меня всякий раз донимает тоска по родине*» (II II, 330).

Отражая общественно-бытовые стереотипы XIX века, когда страдающих хроническими заболеваниями пациентов отправляли лечиться в Крым, в своих письмах Чехов представляет теплые края как «нездоровое», заселенное больными обитателями пространство.

Рассказывая о своей ялтинской жизни в письме А. С. Суворину 1900 года, изумляется: «*Как много здесь чахоточных! Какая беднота и как беспокоино с ними!*» (II II, 323).

Ранее в письме старшему брату Александру, детально изображая состояние больного чахоткой Николая, автор отмечает: «*Сегодня был консилиум, решивший так: болезнь серьезная, но определенного предсказания ставить нельзя. Все от бога. Надо бы в Крым*» (II III, 188). Строками ранее, давая подробный медицинский отчет брату о протекании болезни, Чехов-врач проговаривается, называя притупления в легких Николая «*зловещими*». Имея медицинское образование, писатель, сообщая о дальнейших перспективах больного брата, полагается на Бога, что в оценке доктора звучит как приговор. В результате Крым получает черты «последнего» места жизни.

Позже, приглашая в Ялту своего однокурсника по медицинскому факультету Г. И. Россоломо, Чехов пишет: «*Южный берег стал излюбленным местом земских врачей Московской губернии. Они устраиваются здесь хорошо и дешево и уезжают отсюда всякий раз очарованными*» (II VIII, 284). Попытка завлечь на «южный берег» коллегу по медицине отсылает к ситуации возможности подзаработать докторам в условиях курорта. Фигуры доктора и пациента раскрывают причинно-следственную связь: болезнь пациента – лечение – работа и хлеб врача. В итоге закономерно в письме противоположение интересов пациента интересам доктора. Называя курортный сезон «плохим», Чехов-пациент выражает оценку больных. В то же время, продолжая мысль и принимая позицию докторов и понимая их интересы, Чехов-врач предполагает курортный сезон «хорошим». Здесь позиция врача и больного проявляются в одном лице благодаря смешению точек зрения.

Заявленная в письмах санаторно-курортная зона, главной задачей которой является лечение пациентов, тем не менее, определяется как «нездоровое», «смертоносное» пространство, которое заселено больными. Ярче болезненные характеристики проявляются в представлении крымского пространства. Негативное изображение южного берега Крыма обуславливается биографической ситуацией писателя, вынужденного по состоянию здоровья постоянно

жить в Ялте. В то время, когда все главные события и люди в жизни Чехова (театр, литературная деятельность, жена) были в Москве и Петербурге.

В силу жизненных обстоятельств Ялта, представляющая крымское пространство, появляется в переписке Чехова последнего периода. В ранних письмах 80-х годов также встречается упоминание об этом городе: *«Ялта – это помесь чего-то европейского, напоминающего виды Ниццы, с чем-то мещански-ярмарочным. Коробообразные гостиницы, в которых чахнут несчастные чахоточные, наглые татарские хари, турнюры с очень откровенным выражением чего-то очень гнусного ...парфюмерный запах вместо запаха кедров и моря, жалкая, грязная пристань ...болтовня барышень и кавалеров ...»* (П II, 295–296). Данная репрезентация Ялты, во-первых, сохраняет специфику крымского пространства и атрибутирует в тексте основные его особенности: «нерусскость», «чуждость», «загрязненность». Во-вторых, определение ялтинского пространства в переписке периода до 1897 года (когда открыто заговорили об ухудшении состояния здоровья писателя) перекликается с представлением города в корреспонденции последних лет, где получают развитие и ситуативно разворачиваются заявленные здесь особенности. Преобладание в городе неестественного парфюмерного запаха отсылает к «искусственности» этого пространства. Указание на засилие чахоточных пациентов, обитающих в лишающих воображения и фантазии гостиницах, – реально существующий факт ялтинской действительности конца XIX века. Данное обстоятельство усиливает в чеховском тексте определение Крыма как «больного» места.

В эпистолярной прозе Чехова семантика крымского пространства реализуется в следующей парадигме: с одной стороны, «больное» место, заражающее своих обитателей, с другой – единственно возможная среда для страдающих смертельным недугом пациентов.

1. В письме 1898 года П. Ф. Иорданову Чехов, повествуя о своем здоровье и претендуя на точный диагноз, определяет свое состояние следующим образом: *«Здоровье мое хорошо и дурно. Дурно в том, отношении, что я выбит из колеи и почти не ра-*

ботаю. Эта вынужденная праздность и шатанье по курортам хуже всяких бацилл» (II II, 272). Диагностический характер авторскому заявлению придает, во-первых, определение собственного существования врачебной категорией, во-вторых, принадлежность адресата послания к медицинской сфере. Кроме того, уместен в один абзац описание своего образа жизни, приобретает черты медицинского жанра *historiamorbi*: представление общего состояния здоровья, описание жалоб пациента на дискомфортное проявление недуга, а затем установление характера болезни и указание диагноза. Рассказ автора о собственном самочувствии в письме санитарному врачу обнаруживает особенности непринужденного общения коллег.

Будучи доктором и четко представляя свои перспективы, Чехов постоянное обострение легочных процессов и замедленное угасание жизненной энергии списывает на специфику крымского побережья: «В этой ссылке, я чувствую, и характер мой испортился и весь я испортился» (II XI, 147). Сравнение ялтинского существования со ссыльным образом жизни реализует в тексте признаки несвободного, навязанного выбора места обитания. Поэтому при описании обстоятельств собственной жизни в ялтинский период он соглашается со своим новым статусом больного и приравнивает свое существование к ссыльному. Это сближает в корреспонденции писателя образы пациента и заключенного: изгой общества, навязанный образ жизни [5, с. 103].

Таким образом, Чехов в своей эпистолярной отгалкивается от традиционного в литературе Таврического мифа, давшего начало «крымскому тексту», и создаёт противоположный образ замкнутого, закрытого места, зоны болезни: «...доктора не пускают меня из Ялты. А этот милый город надоел мне до тошноты, как постылая жена» (II IX, 10). Таврида у писателя становится местом изоляции «со всех сторон» нищих, убогих больных: «Мрут люди от истощения, от обстановки, от полного заброса – и это в благословенной Тавриде. Потеряешь всякий аппетит и к солнцу, и к морю» (II IX, 70). Здесь, с одной стороны, обнаруживается несоответствие традиционных представлений о прекрасном Крыме [9], где «море блеска лазурного» [3]. С дру-

гой – чеховское указание на заброшенность людей в «благословенной Тавриде» свидетельствует о намеренном игнорировании социумом данной проблемы, нарушая, таким образом, по мнению писателя-гуманиста, *«самую главную заповедь христианской цивилизации»*. Но учитывая слияние в «ялтинский» период жизни Чехова позиций доктора и пациента, суждение по одному и тому же вопросу, представленное в поздней корреспонденции писателя, логично рассматривать с полярных позиций. Здесь взгляд врача, писателя сменяется естественной оценкой пациента, вынужденного находиться в обществе нищих, смертельно больных людей. Еще более резкий взгляд автора на данную проблему, уже далекий от гуманистических суждений, проявился в письме А. М. Пешкову в 1899 году: *«Одолевают чахоточные бедняки. Если бы я был губернатором, то выслал бы их административным порядком, до такой степени они смущают мое сытое и теплое спокойствие!»* (П VIII, 312). Эта позиция раскрывает и авторскую игру, и внутренние страхи. Попытка отгородиться от смертельно больных пациентов – возможность заявить о своей непричастности к данному кругу пациентов. В то же время их постоянное присутствие не позволяет забыть о своём диагнозе.

2. В чеховских письмах Ялта определяется единственным местом для больных людей, что сообщает крымскому курорту статус лечебницы. В послании начинающей писательнице Л. И. Веселитской, определяя крымский город и, в некоторой степени, вставая на его защиту, Чехов пишет: *«В Ялте прекрасная канализация, хорошая вода, и если бы для людей со средним достатком были устроены здесь удобные квартиры, то это было бы самое здоровое место в России, по крайней мере для грудных больных. Я знаю многих чахоточных, которые выздоровели оттого, что жили в Ялте»* (П VIII, 13).

Продолжая свою мысль, автор далее сравнивает ялтинское и заграничное пространство: *«Этот город, который я знаю уже давно, более 10 лет, оставил во мне немало дурных воспоминаний, но я эскулап, я должен быть объективен и судить по справедливости. Ялта лучше Ниццы, несравненно чище ее»* (П VIII, 13). Напоминая адресату о своем медицинском образовании и

выступая с позиции врача в оценке крымского города, писатель воспринимает его исключительно как курортное пространство, созданное для излечения пациентов, и только в этой плоскости он соотносит его с Ниццей.

В одном из посланий начала 1899 года, приглашая А. М. Пешкова в гости, писатель не случайно использует медицинский аргумент: *«Не приедете ли Вы в Крым? Если Вы больны (говорят, что у Вас легочный процесс), то мы бы Вас полечили тут»* (II VIII, 25). Предполагая за личным местоимением «мы», помимо собственной персоны, вероятно, курортных медиков, занимающихся здоровьем самого Чехова, авторская позиция обнаруживает слияние в одном лице точки зрения субъекта и объекта лечения. Кроме того, осмысление легочного процесса как главного аргумента в пользу путешествия на крымское побережье придает городу черты лечебного места и соотносит его с локусом больницы.

Еще в начале «ялтинского» периода, в декабре 1898 года, Чехов, представляя сестре обстоятельства своего существования в Крыму, пишет: *«Кстати сказать, в Ялте нет ни дворян, ни мещан, перед бациллой все равны, и эта бессловность Ялты составляет некоторое ее достоинство»* (II VII, 350). Уравнивание в звании ялтинских жителей – прямая авторская атрибуция, указывающая на «больничность» этого пространства. Отсутствие классовых различий перед общей угрозой – тяжелым недугом, а чаще и смертью – свидетельствует об общности человеческой природы и реализует главный христианский принцип о равенстве людей перед смертью.

В эпистолярии Чехова, получившем в литературоведении статус художественного текста [8], созданный культурой набор смыслов, актуализируясь посредством вновь узнавания, включается в иной ассоциативный круг. Закрепляя за крымским пространством больничные характеристики, писатель отталкивается от существующего в культуре и литературе «крымского текста», развивающегося в рамках мифа о Тавриде как земле благословенной.

Примечания

¹Чехов А. П. Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1974–1983. Здесь и далее ссылки на Полное собрание сочинений А. П. Чехова приводятся в тексте статьи в круглых скобках с употреблением сокращения *П.* и указанием номера тома и страницы.

Список использованных источников

1. Капустина Е. А. Поединок охотника и оленя (попытка реконструкции «Ивановского текста» в раннем творчестве В. Хлебникова / Е. А. Капустина // Культура и текст. 2005. №9. С. 53–59.

2. Козубовская Г. П. А. Ахматова и Ф. Достоевский. Заметки к теме. Статья 1. «Павловский текст» // Вестник БГПУ. Сер. Гуманитарные науки. 2002. №2. С. 87–95.

3. Люсый А. П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: дисс. ... канд. культурол.:24.00.01. М., 2003. 174 с.

4. Павлюк О. М. Автобиографическая повесть К. Паустовского «Бросок на юг» как «кавказский текст» // Антропоцентрическая парадигма в филологии: Материалы международной науч. конф. Ч. 1: Литературоведение. Ставрополь, 2003. С. 485–489.

5. Сафронова Е. Ю. Дискурс права в творчестве Ф. М. Достоевского 1846–1862 гг.: монография / Е. Ю. Сафронова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 182 с.

6. Стенина В. Ф. Патографический текст в эпистолярии А. П. Чехова / В. Ф. Стенина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. №5 (118). С. 158–164.

7. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В.Н. Топоров. М.: Прогресс, 1995. 623 с.

8. Чудаков А. П. Единство видения: письма Чехова и его проза / А. П. Чудаков // Динамическая поэтика. От замысла к воплощению: сб.ст. / отв.ред. З. С. Паперный. М.: Наука, 1977. С. 220–244.

9. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник Вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. М.: Высшая школа, 1990. – 303 с.

THE BLESSED TAURIDA:
GEOPOETIKA CHEKHOV'S PROSE

Stenina Victoriya Fyodorovna,

*Ph.D., Docent of Altai State technical I.I. Polzunov University
(Barnaul, Altai territory, Russia); e-mail: steninavf@rambler.ru*

In the article on the material of Chekhov's letters «the crimean text» is investigated and is comprehended by the author as the text of the culture. The description of the space is given with the use of the opposite standpoints: doctor/writer/patient. The article represents the attempt of the systematization of Chekhov's letters about Taurida in the aspect of the writer's biographic situation, whose life and texts change because of the acute aggravation of chronic illness.

Keywords: *The Russian literature, A. P. Chekhov, epistolary, the crimean text, poetics*

References

1. Kapustina E. A. Poedinok ohotnika i olenja (popytka rekonstrukcii «Ivanovskogo teksta» vrannem tvorchestve V. Hlebnikova / E. A. Kapustina // Kul'turaitekst. – 2005. – №9. – S. 53-59.
2. Kozubovskaja G. P. A. Ahmatova i F. Dostoevskij. Zametki k teme. Stat'ja 1. «Pavlovskij tekst» // Vestnik BGPU. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2002. – №2. – S.87-95.
3. Ljusyj A. P. Krymskij tekst ruskoj kul'tury i problema mifologicheskogo konteksta: diss. ... kand. kul'turoł.: 24.00.01. – M., 2003. – 174 s.
4. Pavljuk O. M. Avtobiograficheskaja povest' K. Paustovskogo «Brosok na jug» kak «kavkazskij tekst» // Antropocentricheskaja paradigm v filologii: Materialy mezhdunarodnoj nauch. konf. Ch. 1: Literaturovedenie. – Stavropol', 2003. – S. 485-489.
5. Safronova E. Ju. Diskurs prava v tvorchestve F. M. Dostoevskogo 1846–1862 gg.: monografija / E. Ju. Safronova. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2013. – 182 s.
6. Stenina V.F. Patograficheskij tekst v jepistoljarii A. P. Chehova / V. F. Stenina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2012. – №5 (118). – S. 158-164.

7. Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: Izbrannoe / V. N. Toporov. – M.: Progress, 1995. – 623 s.

8. Chudakov A. P. Edinstvo videnija: pis'ma Chehova i ego proza / A. P. Chudakov // Dinamicheskaja pojetika. Ot zamysla k voploshheniju: sb.st. / otv. red. Z. S. Papernyj. – M.: Nauka, 1977. – S. 220-244.

9. Jepshtejn M. N. «Priroda, mir, tajnik Vselennoj...»: Sistema pejzazhnyh obrazov v russoj poezii / M. N. Jepshtejn. – M.: Vysshaja shkola, 1990. – 303 s.